

Ноги были ватными, когда я переступил порог. Чжу-эр, как и ожидалось, уже всё подготовила: благовония подобраны, а всё, что можно было обнажить, обнажено. Она встретила меня покорной улыбкой — именно такой нежной и тёплой, какой я себе её и представлял.

Ситуация сложилась лучше, чем я опасался, хоть и была неловкой.

С женщинами я всегда терялся, поэтому замер на месте. Первой поступила Чжу-эр, сделав лёгкий поклон. Голос у неё оказался сладким, как сироп:

— Господин.

Во взгляде читался немой вопрос — она, видимо, не понимала, чего я хочу.

Я и сам этого не знал.

Но стоять столбом было неловко. Я нерешительно опустился на стул и снова погрузился в пучину раздумий. Красавица передо мной. Если я примусь за дело, мне будет не по себе. Если же ничего не предприму, зачем тогда вообще пришёл в этот дом? Я чувствовал себя загнанным в угол. Помолчав, я наконец спросил:

— Вино есть?

— Как же, господин. Какое желаете?

Я подумал.

— Только не слишком приторное.

Чжу-эр велела подать небольшой кувшин «Холодного благоухания из омота». Затем она уселась ко мне на колени, сделала глоток прямо из горлышка и, наклонившись, прильнула ко мне губами.

Наши уста соприкоснулись, и струйка вина перетекла из её рта в мой. Прохладный напиток приобрёл сладковатый привкус помады, что казалось странной мешаниной. Чжу-эр поставила кувшин на низкий столик рядом и, прищуриль глаза, спросила:

— Господин, вино по нраву?

Я уставился на неё каменным лицом. Вино попало на рану на губе, и та загорелась огнём. Тем не менее я ответил:

— По нраву.

Она снова улыбнулась и медленно вылила остатки вина в ложбину между грудей, а затем прижалась ко мне всей грудью, изображая лёгкое опьянение:

— Если по нраву, может, ещё немного?

Глядя на её раскрасневшееся, пленительное лицо, я с ужасом осознал, что сердце моё оставалось спокойным, а ум — чистым, как высохший колодец.

Но позволять девушке всё время брать инициативу было невежливо. Поэтому я всё же обнял Чжу-эр за талию — чисто символически. Та тут же припала ко мне на грудь и ловкими пальцами, похожими на нежные ростки бамбука, принялась расстёгивать мой пояс. Её рука

скользнула ниже, сквозь ткань, и принялась за неторопливую, умелую игру, пока на её собственном лбу не выступила испарина. Моя плоть оставалась безответной.

В тот момент я ощутил полную безнадёжность.

Чжу-эр медленно подняла на меня взгляд. На её лице читались растерянность и — если взглядеться — даже капля жалости. Я не выдержал такого взора, швырнул на стол серебряные билеты и пустился наутек.

Переступив порог, я уловил обрывки её ворчания:

— Матушка, с виду галантный кавалер, а оказался... неспособным. Не зря, видать, жена губу прокусила...

Пожалуй, теперь я надолго зарекусь ходить в Башню Ваньюэ.

Раз уж поход в публичный дом провалился, а Дядюшка Линь вряд ли оставил бы меня обедать, я впал в уныние и, свернув в первую попавшуюся чайную, предался мрачным мыслям. В дом Семьи Се идти не хотелось, в дом Ши — боязно, а к себе возвращаться было скучно. Просидев так пару часов, я поднял голову и увидел, что ко мне направляется девушка в платье цвета яичного желтка, с тонкими бровями-крыльями мотылька и миндалевидными глазами. Её улыбка была исполнена бесконечного очарования.

Во мне вспыхнула надежда.

Тот инцидент, должно быть, случился из-за того, что от Чжу-эр слишком сильно пахло ветром и пылью дорог. А вот такая благопристойная барышня с изящными манерами — вот истинная подруга сердца. Тем более она шла прямо ко мне — возможно, я и ей приглянулся.

Чем больше я размышлял, тем вероятнее это казалось. Девушка улыбалась мне, и я отвечал ей тёплой, приветливой улыбкой. Она подошла вплотную. Я встал. Она обошла меня, свернула и сладко обратилась к мужчине, похожему на учёного-книжника, что сидел позади:

— Муженёк, обед готов.

Улыбка застыла у меня на лице. Я сконфуженно опустился на место.

После этой предсмертной агонии я подвёл итог. Моя склонность к мужскому полу — не моя вина. Это Небеса решили, что я буду таким, и не послали мне ни одной подходящей девушки...

Примечание автора:

Решили пару — и всё счастливо? Наивно, слишком наивно. Это всего лишь победа над мелким боссом, ха-ха-ха...

Мои предсмертные метания завершились провалом. Я отсиделся дома пару дней в тишине и покое. Тишина длилась ровно до того момента, как мои родители вернулись с Ши Лань, которая, как утверждалось, «случайно понесла урон».

Весть о том, что Ши Лань лишилась ребёнка, грянула, как хлопущка в канун Нового года.

Отец выдрал меня из постели, ухватив за ухо, и завопил, надрывая глотку:

— Спать! Вечно ты только и делаешь, что спишь! Твой сын! Мой золотой внук пропал!

Шевелись, иди присмотри за своей женой!

Пришлось облачиться в приличную одежду и навестить Ши Лань.

Та сидела, съёжившись, у изголовья кровати и принимала из рук Хунчжу виноградины. Мой вход её потревожил. В мгновение ока платок оказался у неё на лбу, виноград — во рту, а рыдания полились без малейшей задержки:

— Сыночек мой~ Прости, что не уберегла тебя~~~

Я почесал в ухе:

— Хватит реветь, это я.

Ши Лань тут же умолкла, поднялась и, подмигнув, спросила:

— Брат Шэньли, винограда хочешь?

Я сначала неестественно хихикнул, потом покачал головой:

— Нет, не стану отбирать у Хунчжу то, что она для тебя чистит.

Я хотел спросить ещё о чём-то, но Ши Лань приблизилась и обхватила мою раненую руку:

— А теперь расскажи, что тогда случилось?

Мне оставалось лишь мысленно крякнуть и стиснуть зубы:

— Всё кончено.

Помолчав, добавил:

— Тун Сяобао — это ты увела?

Ши Лань нахмурила брови:

— Я. Видела, что ты его сторонисься, и заподозрила неладное.

Я не смог сдержать горькую усмешку:

— Зря сторонился. С Сяобао всё в порядке. Кстати, парнишка быстро счёту учится. Как-нибудь спроси его: если захочет остаться — жалованье будет хорошим, нет — пусть получит у Дядюшки Линя двадцать лянов и идёт своей дорогой.

Ши Лань кивнула, не задавая лишних вопросов. В этом её главная чуткость — она не лезет с расспросами.

Просидев у неё около часа, я услышал, как Дядюшка Линь передал весть. Известие о несчастье Ши Лань дошло до дворца, и Государь лично прибыл выразить соболезнования. Он находился в главном зале. Отец был потрясён до глубины души, я же — просто потрясён. Теперь все знали, что Ши Лань лишилась дитя и, вероятно, больше не сможет родить. Я же — мужчина, влекущийся к мужчинам, и факты доказывали, что эту мою особенность не исправить. Отступив на десять тысяч шагов назад: даже если бы я исправился, учитывая трёхпоколенную, запутанную как клейстер дружбу наших семей, пошालить на стороне — можно, но разве мог я

в самом деле привести в дом младшую жену?

По правилам — нет. Но если бы Государь изрёк своё слово, наши семьи смогли бы сохранить лицо. Видимо, так рассуждал мой отец. А потому я молил Небеса — пусть Государь лишь выразит сочувствие, а не проявит такую заботу, что подыщет мне новую невесту...

Чего боишься, то и случается.

После обмена любезностями в главном зале я действительно услышал, как Государь неспешно произнёс:

— Говорят, из трёх видов непочтительности к родителям самый великий — не оставить потомства. Знаю, ваши семьи с Ши связаны давней дружбой, и некоторые темы неудобно поднимать. Я скажу за тебя. На днях видел дочь старшего советника Ли. Нрав хороший, и вид приятный. Что скажешь?

Я уставился на потолочную балку.

Государь продолжил:

— Я уже беседовал с твоим отцом на сей счёт, и он тоже считает дочь советника Ли достойной партией. По-моему, надо побыстрее выбрать счастливый день и сыграть свадьбу.

Я начал потеть и, собравшись с духом, возразил:

— Забота Вашего Величества тронула меня до глубины души, но насчёт этой госпожи Ли...

Государь приподнял бровь:

— Что так? Не приглянулась?

Я поспешил с подобострастной улыбкой:

— Приглянулась, приглянулась! Именно потому, что слишком хороша, и не могу я на ней жениться. Я человек простой, как могу тягаться с дочерью старшего советника?

Государь сжал губы, улыбаясь вместе со мной:

— Если Я говорю, что можешь, значит, можешь. Кто посмеет утверждать обратное?

Матушки свет, чуть не забыл — император и есть величайший самодур в Поднебесной. Женить кого на ком — для него одно слово. Но я и вправду не желал брать младшую жену. В решающий момент мне пришлось, покраснев от стыда, чистосердечно признаться:

— Прошу прощения у Вашего Величества, но я не могу принять это предложение. Я... у меня уже есть предмет воздыханий.

Государь кивнул с пониманием:

— Так. Скажи прямо, на ком из девиц остановил взор. Если помехой станет неравенство положений, Я издам указ, пожалую ей титул княжны — чего бы то ни стоило. Тогда и отец твой успокоится.

Я усмехнулся, уши мои пылали:

— Ваше Величество... я... я, по сути, склонен к мужскому полу. Одной Ши Лань уже достаточно для мучений, так какой ещё девицы мне искать? Умоляю, смилуйтесь, позвольте мне пожить несколько дней в покое.

Едва я это вымолвил, Государь сжал в руке чайную чашку так, что та треснула. Он повернулся ко мне с весьма сложным выражением лица:

— Понимаю. Меня тоже старые педанты вечно торопят с выбором императрицы. Ладно. Отныне, если сам не заговоришь, Я больше не стану играть в сваху.

<http://bllate.org/book/15934/1423931>